

Тулкина И. В.

М. С. Воронцов как патрон Южнорусского археологического центра¹

Для изучения влияния государства на науку, возникнове-
ния и развития институтов патронажа и меценатства, взаимо-
отношений науки и власти в России огромный интерес пред-
ставляет деятельность Новороссийского генерал-губернатора и
наместника Кавказа светлейшего князя М. С. Воронцова, из-
вестного государственного деятеля и военачальника, коллек-
ционера книг, рукописей, произведений искусства и древнос-
тей. Государственной и военной деятельности Воронцова по-
священы десятки монографий и сотни статей², гораздо менее
изучены страницы его жизни, связанные с культурным разви-
тием подвластных ему земель и с покровительством зарождав-
шейся на юге России сети гуманитарных учреждений, в част-
ности, с организационным оформлением в Новороссийском
крае Южнорусского археологического центра, патроном кото-
рого он являлся, начиная с 1823 г. вплоть до своей смерти.
На это обстоятельство впервые обратил внимание секретарь
Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевич в
посмертном папегирическом очерке о Воронцове³. В «ворон-
цовский» период руководства краем Южнорусский археологи-
ческий центр прошел путь от появления ученых-одиночек к воз-
никновению сначала неформальных «незримых колледжей», а
затем организационно оформившихся научных организаций,
в частности музеев и научных обществ, которые в пору про-
фессионализации и специализации исторической науки выра-
батывали собственные программы деятельности.

Именно в первой трети XIX в. формируется осознанный науч-
ный интерес к античным памятникам Северного Причерноморья.

ВРОНЦОВСКИЙ

Проблемы охраны и изучения памятников стали занимать умы образованных людей России, и Новороссийский генерал-губернатор гр. М. С. Воронцов приложил немало усилий в этой области. В 1810-х-1840-х гг. в Одессе, Симферополе, Севастополе, Феодосии, Керчи, позднее в Тифлисе возникли неформальные кружки антиквариев, объединявшие местных любителей древностей, коллекционеров, военных, представителей аристократии и местной бюрократической верхушки. Антикварию Новороссии посвятили десятилетия конкретным историко-археологическим изысканиям на местности — начали обследования городищ и раскопки курганов с научными целями, осознали необходимость документирования раскопок и важность топографической фиксации памятников. Местными антиквариями эмпирически выработывались полевые приемы раскопок поселений и могильников. От простого коллекционирования антиков и перекапывания культурного слоя с целью поиска художественных произведений античности они перешли к раскопкам с научными целями, осознали необходимость составления полевой документации, важность фиксации конструктивных особенностей остатков древних сооружений, их топографической привязки к местности, определили на перспективу приоритетные задачи полевой и кабинетной работы.

Показательно, что именно в среде одесских, а не столичных антиквариев была выработана первая исследовательская программа русской науки о классических древностях Северного Причерноморья, в августе 1823 г. сформулированная И. А. Стемпковским в записке М. С. Воронцову «Мысли об изыскании древностей в Новороссийском крае»⁵. Согласно Стемпковскому, антикварию должны объединиться в научное общество с единой программой полевых и кабинетных исследований, способствовать созданию сети археологических музеев. И. А. Стемпковский и И. П. Бларамберг при финансовой

поддержке Воронцова стали издавать первые научные труды дискуссионного характера, получившие широкий отклик как в исследованиях ученых, так и на страницах русской периодики, а также определенный научный резонанс за рубежом.

Именно при М.С. Воронцове были открыты специализированные археологические собрания, возникшие в районах массовых находок античных памятников: Одесский городской музей древностей (1825), Керченский музей древностей (1826), Миникабинет при Публичной библиотеке в Тифлисе (1846). Под влиянием идей Стемпковского 1 апреля 1825 г. в Петербурге Воронцов подал Александру I доклад о необходимости запрета грабительских раскопок, учреждения «систематического и основанного на известных в Европе правилах вскрытия и обозрения курганов, развалин или других мест, где могут быть найдены всякого рода древности», создания музеев в Одессе, Симферополе или Керчи, предлагая поручить руководство ими и производство археологических раскопок в Причерноморье известному одесскому антикварию И.П. Бларамбергу⁶. Император одобрил это предложение. В разные концы губернии были отправлены предписания, требовавшие немедленно сообщить «о качестве, количестве и местонахождениях» древностей, предложить частным лицам пожертвовать памятники организуемым музеям, наблюдать, чтобы никто не проводил грабительских раскопок на казенных и общественных землях, а при случайных находках препятствовать присвоению вещей частными лицами, отправляя их «под надзором... и с возможной бережливостью» градоначальнику или губернатору, уведомляя о находках самого Воронцова.⁷ Ассигнованные еще при Херсонском военном губернаторе графе А.Ф. Ланжероне в 1822 г. государственные средства в размере 10 тыс. руб. на охрану и реставрацию памятников Крыма М.С. Воронцов использовал для организации музеев древностей в Одессе (1825) и Керчи (1826). На эти деньги были приобретены частные собрания древностей (скульптуры, мраморов с надписями, монет, керамики и т.п.), проводились археологические раскопки и разведки И.П. Бларамберга в Керчи, Симферополе и т.п.⁸ Воронцов лично контролировал

ВРОНЦОВСКИЙ

реставрацию ханского дворца в Бахчисарае (1822-1832), добился выделения средств на ремонт древних крепостных ворот в Евпатории (1837), дорбе Ненекеджан-ханым в Чуфут-кале (1845), поддержал идею архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) «о восстановлении древних памятников христианства»⁹.

К открытию Одесского музея, состоявшемуся 9 августа 1825 г., И.П. Бларамберг подарил ему коллекцию древностей – 14 памятников Древнего Египта, 68 бронзовых вещей из развалин Геркуланума и Помпей, 195 монет римских императоров, 70 древнегреческих монет городов Средиземноморья и Причерноморья, 50 томов книг по языкознанию, истории, археологии, географии на французском, итальянском и русском языках, в том числе издания античных авторов. В письме к М. С. Воронцову антикварий выражал надежду, что «многие особы поспешат добровольными приношениями умножить собрание древностей, которое должно соделаться тем важнее, что со временем должны в оном соединены быть многочисленные предметы, с давнего времени рассеянные и забытые в руках частных людей, из коих весьма немногие занимаются наукою древностей, предметы, которые, не принося никакой пользы ни владеющим оными, ни ученому обществу, подвержены тому, что при первом случае могут быть вывезены в чужие земли, вслед за множеством редких вещей, в классическом нашем крае найденных, а ныне украшающих кабинеты общественных и частных в разных странах Европы»¹⁰.

М.С. Воронцов предложил И.П. Бларамбергу завести особую книгу для учета поступлений от частных лиц, с обязательным указанием фамилий дарителей. Генерал-губернатор Новороссии предписал всем военным городским и земским начальникам края предпринять меры по охране памятников и переправить древности, найденные в Херсонской губернии, Бессарабии и на Тендре в Одесский музей. Сюда поступили древности из коллекций

бессарабского помещика князя Е.М. Кантакузина, графини Е.К. Воронцовой и самого кн. М.С. Воронцова, дары И.А. Стемповского, графа С.О. Потоцкого, коллежского советника П.Я. Марини, белевского мещанина Сазонова, А.И. Лёвшина. И.П. Бларамберг предложил музею приобрести его ольвийскую коллекцию (скульптура, мраморные архитектурные фрагменты, керамика, надписи, монеты) за 1000 червонцев. Получив разрешение от императора Николая I, М.С. Воронцов в 1826 г. приказал купить кабинет Бларамберга на счет доходов города Одессы, а бывшему хозяину поручил составить описание собрания с рисунками (статья осталась неопубликованной)¹¹.

Керченский музей древностей должен был хранить памятники, найденные в Восточном Крыму, по берегам Боспорского пролива и на Таманском полуострове. Вплоть до 1833 г. музей размещался в одной из комнат дома создателя боспорской археологии, французского эмигранта-роялиста П. Дюбрюкса, с арендной платой 400 рублей в год¹². У частных лиц были «собраны» мраморные статуи, надгробия и «другие камни с барельефами и надписями», большое количество амфор. Среди первых дарителей вещей документы сохранили имена «генерал-майорши» Насакиной, керченского жителя Триполитова и самого П. Дюбрюкса — его собрание древностей было безвозмездно передано им Керченскому музею древностей. В благодарственных письмах М.С. Воронцова выражается пожелание, чтобы «прочие жители Керчи подражали вам, стараясь о пользе и выгоде города, в котором вы живете. Всякий подобный поступок будет принят с признательностью и доведен до сведения высшего правительства». Дюбрюкса граф просил «по охоте и сведениям вашим в археологии вперед, если можно, помогать нам в обогащении [рождающегося] ныне заведения»¹³. Вещи из первых раскопок И.П. Бларамберга (1826, 1827, 1829), в которых принял участие П. Дюбрюкс¹⁴, также поступили в музей.

Понимая необходимость увеличения штата сотрудников музеев Новороссии, в 1829 г. М.С. Воронцов обратился в Министерство народного просвещения с просьбой исходатайствовать 1000 р. в год из сумм Государственного казначейства на

ВОРОНЦОВСКИЙ

содержание помощника директора Одесского и Керченского музеев. Последний должен был заниматься снятием планов местности, изготовлением чертежей при раскопках, рисованием найденных вещей и т.п. Однако министерство ответило отказом, так как оба музея не состояли в его подчинении¹⁵.

С началом русско-турецкой войны 1828-1829 гг. М.С. Воронцов решил послать в Болгарию и Румелию чиновников специально для поиска древностей и приобретения их для Одесского музея: отставной поручик В.Г. Тепляков отправился в Варну, Анхиал, Созополь и Мессемврию, Гнедич и Соколовский искали памятники в Кюстенджи, сын И.П. Бларамберга Михаил выехал на главную квартиру русских войск. Поручик 19-го егерского полка Должиков по собственной инициативе прислал в музей 171 монету, за что был поощрен 500 р. ассигнациями. М.И. Бларамберг собрал в Адрианополе 26 древних монет. К 1829 г. музей древностей в Одессе значительно пополнил свои собрания античными древностями Западного берега Понта¹⁶.

С разрешения и под контролем М.С. Воронцова проводились не только раскопки, но и археолого-топографические исследования Дюбрюксом и Бларамбергом разных мест Северного Причерноморья. Ими в 1820-х начале 1830-х гг. были выполнены первые планы античных городищ Европейского Боспора, архитектурные обмеры погребальных сооружений, склепов и катакомб. 1 декабря 1827 г., находясь в Петербурге, М.С. Воронцов по просьбе Бларамберга обратился к президенту Академии художеств А.Н. Оленину с просьбой «рассмотреть рисунки, чертежи, планы и изъяснения к оным археологических изысканий», проведенных одесским ангиквариумом, и высказать свое авторитетное мнение о них¹⁷. В мае 1829 г. Бларамберг представил М.С. Воронцову рукопись статьи о результатах своих археолого-топографических поисков на западном побережье Боспора

Киммерийского, с приложением карты берегов пролива и планов городищ. Автор просил содействия в публикации работы на средства казны и разрешения посвятить труд императрице. М.С. Воронцов обратился к министру народного просвещения кн. К.А. Ливену с целью исходатайствовать «высочайшее разрешение» на издание. Министр представил рукопись на рассмотрение Академии наук, где его рецензировали академики Е.Е. Кёлер и Ф.Б. Грефе. Выводы Бларамберга оказались диаметрально противоположны гипотезам Кёлера о локализации ряда городов Европейского Боспора, поэтому, несмотря на общую положительную оценку, отзыв петербургских академиков оказался неприемлемым для автора¹⁸. Тем не менее, согласие императора на публикацию брошюры И.П. Бларамберга было получено, и в январе 1830 г. рукопись была возвращена автору для доработки¹⁹. Но этот труд был издан в русском переводе 20 лет спустя, уже после смерти сочинителя²⁰. В фонде акад. П.И. Кёшена сохранились снятые им на кальке цветные копии планов Пантикапея, «Нимфел» (руины у Павловской батареи), «Акры», «Китея», Мирмекия с «изъяснениями», представленные по его просьбе М.С. Воронцовым в 1834 г.²¹

В марте 1828 г. И.А. Стемпковский был назначен керчь-еникальским градоначальником и переехал в Керчь. Он фактически возглавил деятельность керченского археологического кружка, стал всемерно содействовать археологическим разведкам и раскопкам П.А. Дюбрюкса, И.П. Бларамберга, Р.А. Скасси. Появление И.А. Стемпковского в Керчи очень благоприятно отразилось на деятельности Керченского музея древностей. Судя по документам, И.П. Бларамберг оставался директором номинально и крайне редко появлялся в Керчи. Вся переписка о музее велась между И.А. Стемпковским и М.С. Воронцовым. В специальной записке градоначальник пытался доказать необходимость поступления в музей всех древностей, найденных на Таманском полуострове, как «принадлежащих» Боспорскому царству и имеющих неразрывную связь с керченскими²².

Для специалистов необходимость планомерных, систематических раскопок на Керченском полуострове была очевидна

давно, но решить этот вопрос долгие годы не удавалось из-за отсутствия постоянного источника финансирования. И тут «помог случай». В 1829 г. в Севастополе началась эпидемия, приведшая к чумному бунту матросов и членов их семей, жестоко подавленному М. С. Воронцовым. Николай I приказал «всех оставшихся нижних чинов... отправить семьями в Керчь» и отвести им «места для постройки домов»²³. 22 сентября 1830 г. при ломке камня для этих построек солдатами Воронежского пехотного полка на кургане Куль-Оба близ Керчи был открыт каменный склеп с уникальным комплексом скифского времени — богатым погребением мужчины «царя», женщины и слуги. Обследование склепа и описание находок провели П. Дюбрюкс и доктор Таврической врачебной управы П. И. Ланг, по поручению и под руководством И. А. Стемпковского.

Четыре дня спустя после сенсационной находки, 26 сентября, Стемпковский отправил донесение об открытии М. С. Воронцову. Градоначальник писал, что он сразу распорядился об охране древностей от расхищения и «по сделании изыскания» приказал перенести находки в Керчь для хранения у себя вплоть до особого распоряжения М. С. Воронцова. Он предлагал главную часть памятников отправить в Эрмитаж, а дублиеты мелких вещей оставить в Керченском музее, и просил назначить денежное вознаграждение военным, открывшим гробницу и «объявившим» об этом градоначальнику, «через что оное сохранено от расхищения и истребления. Цены находки сей определить невозможно, и никогда подобной еще не было здесь сделано. Золота разных достоинств полагаю я до 8 фунтов [3.276 кг], но так как многие вещи еще смешаны с землею, то настоящего веса всему определить нельзя». Как одну из возможных мер финансирования дальнейших археологических раскопок И. А. Стемпковский предлагал начать продажу любителям древностей части многочисленных дублиетных

золотых бляшек Куль-Обы, чтобы на вырученные деньги продолжить полевые работы²⁴. Это предложение, к счастью, не получило поддержки начальства. 30 октября генерал-губернатор приказал все золотые вещи доставить в Одессу.

Известие о сенсационном открытии дошло до Петербурга почти через два месяца. Император Николай I узнал о нем только 17 ноября, и не от М.С. Воронцова, а от начальника Главного штаба по военным поселениям генерала от инфантерии П.А. Толстого. Разгневанный царь приказал немедленно доставить вещи в Петербург. 18 ноября управляющий Министерством внутренних дел Ф.И. Энгель отправил запрос в Одессу, почему в столице не было получено известие об открытии ни от керчьеникальского градоначальника, ни от генерал-губернатора Новороссии и, какие распоряжения сделаны о древностях. Лишь 3 декабря исполнявший должность генерал-губернатора управляющий Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью генерал-лейтенант А.И. Красовский повторно просил Стемповского доставить «золотые и все прочие вещи из гробницы» в Одессу, а 15 и 24 декабря в связи с новыми настоятельными предписаниями из Петербурга, «со скоростью», с нарочным отправить их сначала в Одессу, затем к императору в столицу²⁵.

Богатейшие погребения в кургане Куль-Оба приковали внимание правительства к памятникам Керченского полуострова. Это событие открыло новую страницу в истории отечественного антиковедения и археологии — началась эпоха систематических археологических исследований на юге России. Правительство стало рассматривать земли юга России как источник пополнения императорского собрания Эрмитажа произведениями античного искусства большой художественной и материальной ценности и начало регулярно ассигновать значительные средства на раскопки.

Проведение полевых работ в Керчи император поручил чиповнику канцелярии Керчь-Еникальского градоначальства Д.В. Карейше и А.Б. Ашику, ставшему директором Керченского музея древностей после смерти И.П. Бларамберга (с 1833 г.), под контролем И.А. Стемповского²⁶. Стиль мышления

ВРОНЦОВСКИЙ

Д.В. Карейши и А.Б. Ашика и методика их полевых работ сложились под влиянием определенного «социального заказа» — Министерство Имп. Двора совершенно не интересовал конкретный археологический контекст находок. Николай I требовал доставки в Петербург лишь золотых вещей и высокохудожественных памятников античного искусства. Очень часто на рапортах о раскопках записана воля императора — «назначено было прислать одни золотые и серебряные вещи». Остальные находки оставались на хранении в Керченском музее, что привело в конечном итоге к разъединению объектов из одних археологических комплексов и их депаспортизации²⁷.

Так, из многочисленного погребального инвентаря Куль-Обы Николай I разрешил оставить в Керчи лишь два больших медных котла, две поврежденные чаши, обломки железного оружия и деревянных предметов. В феврале 1833 г. М.С. Воронцов, воспринимавший местные музеи как свое детище, выступил с предложением, чтобы «в случае отыскания в Керчи или в другом каком-либо месте Новороссийского края древностей, которые будут потребованы и отправлены в Санкт-Петербург, Кабинет Его Имп. Величества высылал в вознаграждение сумму, равняющуюся ценности отправляемых вещей, чтобы также на счет того же Кабинета, или других каких-либо сумм, присылать в музеи Одесский и Керченский модели и слепки отсылаемых вещей». Однако Николай I отверг это предложение, заявив, что найденные при археологических исследованиях памятники принадлежат казне, а на раскопки в Новороссии государством отпускается специальная сумма²⁸. Министр внутренних дел Д.Н. Блудов определял назначение провинциальных музеев Новороссийского края, как хранилища памятников, «кои по огромности не могут быть доставлены в С.-Петербург или коим здесь уже много подобных, или наконец такие, кои лишь по местным отношениям и воспоминаниям любопытны и достойны замечания»²⁹.

В 1831 г. Одесский музей древностей объединили с Одесской городской публичной библиотекой. Городские власти, периодически выделявшие средства из сумм Думы на покупку древностей, не проявляли к музею должного внимания. За музеем приглядывал далекий от науки библиотекарь А.Ф. Спада, коллекционировавший монеты, который по своему усмотрению раздавал или продавал древности коллекционерам. В 1838 г. М.С. - Воронцов предложил учителю начального училища при Ришельевском лицее в Одессе историку Н.Н. Мурзакевичу (заведующему музеем с 1843 г.) классифицировать и описать древности городского музея. Описание музея было разделено автором на 2 части — нумизматическую и собственно археологическую³⁰. В 1841 г. на латинском языке тиражом 300 экз. Н.Н. Мурзакевичем был издан каталог нумизматической коллекции, предваряемый предисловием с кратким очерком археологических исследований в Новороссии³¹. В архиве Одесского археологического музея хранится альбом «Рисунки предметов, принадлежащих Одесскому городскому музею древностей», составленный под руководством Н.Н. Мурзакевича известным рисовальщиком К. Боссоли — иллюстрации ко второй части описания музея, так и не вышедшей в свет³².

Помимо музеев, М.С. Воронцов стал организатором Одесской (1829) и Тифлисской (1846) городских публичных библиотек, инициатором издания одной из первых русских провинциальных газет двуязычного «Одесского вестника/Journal d'Odessa» (с 1827 г.), «Новороссийского» (с 1835 г.) и «Закавказского» (с 1847 г.) календарей, печатавших статьи по истории и археологии Новороссийского края и Кавказского наместничества. К сотрудничеству в этих периодических изданиях активно привлекались местные антикварины — И.П. Бларамберг, И.А. Стемпковский, А.Ф. Спада, Э.В. Тетбу де Мариньи, А.С. Стурдза, В.Г. Тепляков, Н.Н. Мурзакевич, Д.В. Карейша, А.Б. Ашик и др., публиковавшие статьи под рубриками «Древности», «Древняя география», «История», «Материалы для истории Новороссийского края»³³.

В 1839 г. кружок одесских антиквариев создал Одесское общество истории и древностей, почетным президентом которого на первом же заседании 23 апреля 1839 г. был избран

Трушина И. В.
М. С. Воронцов как патрон Южнорусского археологического центра

М. С. Воронцов, остававшийся им до своей кончины. Первый устав ООИД включал параграфы 33-34: «Общество имеет право избирать из государственных сановников, известных своею любовью к историческим наукам, ходатая и предстателя о его пользах, под именем почетного президента», который, «буде пожелает, присутствует в собраниях общества и дает голос как первенствующая в нем особа»³⁴. В благодарственном письме генерал-губернатор признался, что мысль об учреждении подобного общества «давно его занимала... Вы меня предупредили; и я не могу довольно выразить вам благодарности своей, за ревностное стремление к отысканию и распространению исторических и археологических сведений о Новороссийском крае и Бессарабии»³⁵. Активными членами ООИД являлись А. С. Стурдза, Д. М. Княжевич, А. Я. Фабр, М. М. Кирьяков, Н. Н. Мурзакевич (члены-основатели), а также Н. И. Надеждин, В. В. Григорьев, Э. В. Тетбу де Мариньи, З. С. Херхеулидзе, А. Б. Ашик, Д. В. Карейша, А. Ф. Панагидор-Никовул, М. Г. Палеолог, Ф. К. Брун, П. В. Беккер и др. Программа исследований Одесского общества включала: распространение исторических и археологических знаний о Южной России путем сбора, описания и хранения древностей Новороссии, а также критическое изучение письменной традиции о Северном Причерноморье. Помимо археологических исследований, общество занималось и чисто историческими, археографическими, географическими, этнографическими, статистическими изысканиями.

Одесское общество проводило большую работу по охране памятников Новороссии, предприняло целенаправленные попытки координации деятельности всех южнорусских музеев. С помощью генерал-губернатора в 1840 г. ООИД удалось добиться выделения 5 тыс. р. ассигнациями в год на «пособие» от казны и права производства археологических исследований на всей территории Южной России, причем на государственных

землях с разрешения местного начальства, на частных — с согласия владельцев. В 1847 г. Министерство государственных имуществ разрешило передавать в ООИД древности, найденные на казенных землях Новороссийского края, «которые не поступят в Санкт-Петербургские подобные хранилища», а годом раньше — право получать дубликаты керченских древностей. Часть собственного собрания антиков Воронцов передал в музей находившегося под его покровительством общества: в 1844 г., по возвращении из Италии, он подарил музею коллекцию помпейских и ноланских расписных ваз и других сосудов, в 1852 г. — два золотых пантикапейских статера и один кизикий из Пуленцовского клада, карты Южной России 1781 г. и 1788 г., а его жена Елизавета Ксаверьевна — медный медальон из Кучук-Ламбата (1843), пантикапейские сосуды, «лампадки» и др.³⁶

С помощью Воронцова ООИД в 1840-1843, 1846 гг. удалось заполучить в свой музей коллекции древностей, находившиеся в распоряжении морского ведомства — практически все античные собрания Кабинета редкостей Черноморского депо карт и Черноморской штурманской роты в Николаеве, которые стали ядром, важнейшей составной частью Одесского музея (музей ООИД и Одесский городской музей древностей были слиты в 1858 г. и поступили в ведение ООИД)³⁷. С объединением двух собраний Одесский музей стал одним из крупнейших археологических музеев России, который «по богатству предметов, происходящих из греческих колоний на северном побережье Черного моря, занимал первое место после Эрмитажа»³⁸.

При моральной и финансовой поддержке М.С. Воронцова проводились «ученые путешествия» и археологические исследования членов ООИД, РАО и Петербургской АН. Воронцовым была организована целая серия научных поездок и экспедиций, в том числе акад. Г.В. Абиha, И.А. Бартоломея, М.И. Броссе по Кавказу, П.И. Кёпфена, Н.Н. Мурзакевича, А.С. Фирковича по Крыму и Тамани, А.А. Скальковского по Новороссии и Бессарабии и др. Благодаря помощи князя издавались «Записки ООИД» и монографические исследования по истории и археологии Юга России, в частности, монографии А.Б. Ашика о

ВРОНЦОВСКИЙ

древностях Боспора. ООИД стало достойным преемником Одесского археологического кружка.

Историко-археологические общества как новая для страны форма организации науки стали своеобразными методическими центрами, инициировавшими разработку проблем археологии юга России. Несмотря на отсутствие твердой материальной базы и оплачиваемого штата сотрудников, ООИД выработало собственную научную программу, сумело организовать исследования в области причерноморских древностей, заслушать, обсудить и издать научные труды в собственных периодических изданиях и в качестве отдельных монографий. Общество организовало ряд научных экспедиций, начало сбор коллекций археологических памятников, создало собственный музей и библиотеку, широко практиковало обмен научной литературой и «дублетными» древностями с другими учреждениями, наладило научные контакты с учеными-коллегами в России и за рубежом.

По убеждению Н. Н. Мурзакевича, благодаря работам М. С. Воронцова «весь Новороссийский край, Крым, и отчасти Бессарабия в четверть века, а труднодоступный Кавказ в девять лет» были «исследованы, описаны, иллюстрированы гораздо точнее и подробнее внутренних, составных частей пространнейшей России»³⁹.

За 25 лет под патронажем М. С. Воронцова усилиями нескольких поколений исследователей в Одессе был создан крупный научный центр в области археологии, а также первоклассное собрание археологических памятников. Дальнейшее развитие Южнорусского археологического центра к началу XX в. породило чрезвычайно плодородную для русской археологии научную среду, из которой вышли такие всемирно известные ученые, как Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, А. Л. Бертье-Делагард, Э. Р. фон Штерн, Б. В. Варнеке, Б. В. Фармаковский, Д. В. Айналов и др.⁴⁰

- 1 Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-80283.
- 2 См., например: *Щербинин М. П.* Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова. СПб., 1858; *Огарков В. В.* Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892; *Яковлев В. А.* Биографии Де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Одесса, 1894; *Шкляев И. Н.* Сокровища семьи Воронцовых. Одесса, 1992; *Захарова О. Ю.* 1) «Я князь, коль мой сияет дух»: Страницы военной биографии генерал-фельдмаршала, светлейшего князя М. С. Воронцова. Подольск, 1997; 2) «Генералы своих судеб»: М. С. Воронцов – генерал-губернатор Новороссийского края. М., 1998; 3) Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: Рыцарь Российской империи. М., 2001; *Удовик В. А.* Воронцов. М, 2004; *Удовик В. А., Кацки В. О.* Светлейший князь М. С. Воронцов: Человек, полководец, государственный деятель. СПб., 2000; *Rhineland A. L.* Prince Michael Vorontsov, viceroy to the Tsar. Montreal; Buffalo, 1990.
- 3 *Мурзакевич Н. П.* Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. Читан секретарем Одесского общества истории и древностей в заседании оногo 29 ноября 1856 г. Одесса, 1860.
- 4 Подробнее см.: *Тулкина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). С.-Пб., 2002 (по указателю).
- 5 См. автограф записки Стемковского на фр. яз.: ИР НБУВ. V, 1224-1516. Л. 1-4.
- 6 ИР НБУВ. V, 1224-1516. Л. 11-12 об.
- 7 ИР НБУВ. V, 1224-1516. Л. 11-12 об., 26-27, 51-52 об.; *Тулкина И. В.* Русская наука... С. 393-399.
- 8 *Тулкина И. В.* Русская наука... С. 215-226.
- 9 *Тулкина И. В.* Русская наука... С. 106.
- 10 *Тулкина И. В.* Русская наука... С. 215-216.
- 11 Там же. С. 216.
- 12 ИР НБУВ. V, 1224-1516. Л. 131-131 об.
- 13 ИР НБУВ. V, 1224-1516. Л. 147, 175-175 об.
- 14 *Тулкина И. В.* Русская наука... С. 215-226.
- 15 *Тулкина И. В.* Русская наука... С. 217.
- 16 Там же. С. 217.
- 17 *Латышев В. В.* К истории археологических исследований в Южной России: Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 65-78.

- 18 АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12. Оpubл. в русском переводе: Брун Ф. К. Отзыв, представленный С.-Петербургской Императорской Академии наук академиками гг. Кёлером и Грефе о сочинении Бларамберга, под заглавием «Observations sur quelques points relatifs a la geographie ancienne de la Tauride» // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 957-963.
- 19 ИР НБУВ. V, 1224-1516. Л. 326-326 об., 333-334, 381.
- 20 Бларамберг И. П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 1-19.
- 21 ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 474. Л. 201-210 об.).
- 22 Тушкина И. В. Русская наука... С. 221-222.
- 23 Огородников С. Собственноручные резолюции императора Николая I по морскому ведомству // Морской сборник. 1907. Т. 343. № 12. Неоф. отд. С. 15.
- 24 ИР НБУВ. V, 1224-1516. Л. 447 об.
- 25 ИР НБУВ. V, 1224-1516. Л. 430, 443, 445; НА ИИМК. Ф. 6. Д. 10. Л. 1-7.
- 26 АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1831. Д. 19. Л. 38-38 об.
- 27 АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1838. Д. 31.
- 28 АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1831. Д. 19. Л. 119-120, 122-122 об; оп. 1-1833. Д. 5. Л. 1.
- 29 НА ИИМК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18. Л. 16-16 об.
- 30 Тушкина И. В. Русская наука... С. 218-219.
- 31 Murzakewicz N. Descriptio musei publici Odessani. Odessae, 1841. Pars I, continens Numophylacium Odessanum.
- 32 НА ОАМ. Инв. № 83179.
- 33 Тушкина И. В. Русская наука... С. 107.
- 34 Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1839. С. 9-10 (ИР НБУВ. V, 1518-1533. Л. 19-19 об.).
- 35 Тушкина И. В. Русская наука... С. 258.
- 36 Тушкина И. В. Русская наука... С. 106-107.
- 37 Тушкина И. В. Русская наука... С. 289-290.
- 38 Жебелёв С. А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1: История археологического знания. С. 117.
- 39 Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. С. 31.
- 40 Тушкина И. В. Русская наука... С. 608.